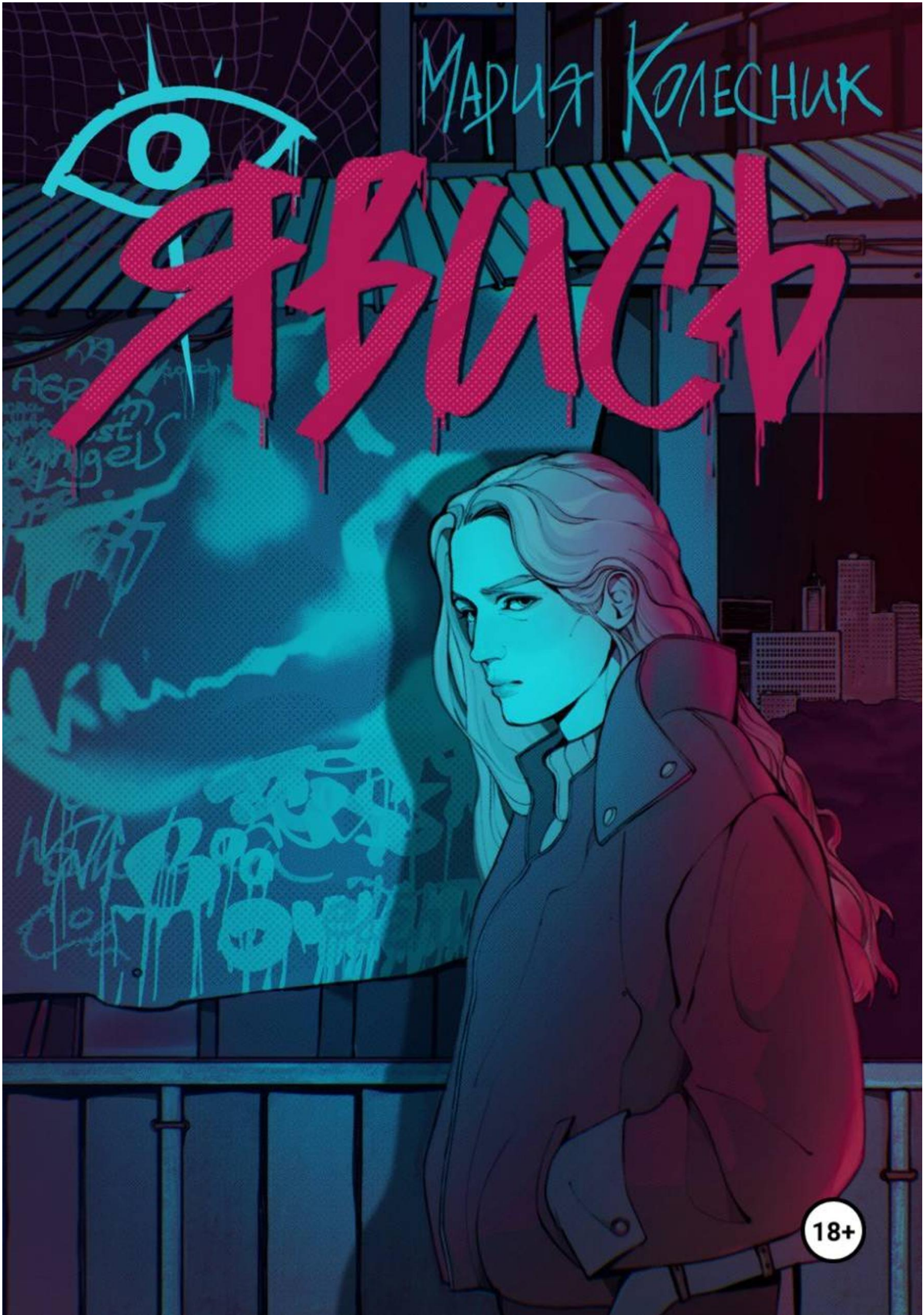

Мария Колесник
Явлась
18+

Мария Колесник

Явись

«Автор»
2026

Колесник М.

Явись / М. Колесник — «Автор», 2026

Варвара никогда не мечтала работать в секретном институте, где изучают существ из других измерений. Впрочем, она вообще давно перестала о чем-либо мечтать. Неожиданно она получает работу в Центре, где исследуют потусторонних гостей и проводят эксперименты, о которых лучше не знать посторонним. Но когда один из экспериментов заканчивается смертью, а вопросы начинают стоить дороже ответов, Варваре становится ясно: в Центре опаснее всего могут оказаться вовсе не гости из других миров.

© Колесник М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 5
2 10
3 15
4 19
5 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Мария Колесник
Явись

1

— Чего бы тебе больше всего хотелось?

Вздохнуть было бы уже неплохо. Достаточно крошечного движения ребер. Кислорода в альвеолах.

— Чего бы тебе хотелось больше всего на свете?

А такой вопрос уже стоит уточнить, потому что свет — понятие растяжимое. От волны до частицы и во всем своем многообразии.

Можно ерничать бесконечно, лишь бы не отвечать на прямой вопрос. Я не люблю, когда они задают вопросы и всматриваются, с этой своей жаркой жаждой, в человеческие лица. Вопросы гораздо сложнее, чем простые извинения за беспокойство.

Им не нужны ни извинения, ни ответы. Только замешательство, смутное, как полоска на тонкой границе между радужкой и зрачком, едва заметное движение глаза — они чувствуют, как сложно сформулировать ответ.

— Твое самое большое желание?

Кажется, тогда мне все-таки удалось вздохнуть; прерывисто, мучительно, холодным лесным воздухом. Чего бы мне хотелось больше всего на этом красном свете? Чтобы стало тихо, например. Чтобы за мной не было погони. Чтобы меня здесь не было. Чтобы вообще ничего не было и никогда и не существовало, и, в общем-то, в конце концов стало именно так.

***

Здесь всегда пахло, как в лесу. Причем не в простом лесу, а таком, зачарованном, из старых сказок. Немного русалкой и чуть-чуть лешим, который живет под корягой. Или под страшным перевернутым корнем дерева. Пахло мхом, сыростью, копошащимися под подлеском червями. Пахло грибами и ягодами.

Потому что я их продаю.

Я не помню, как нашла это место. Кажется, я просто шла по улице, морщась сильного февральского ветра, и увидела дебильную розовую вывеску.

Да так тут и осталась.

— Это все? У нас есть товары по акции.

— Я тороплюсь, — женщина сунула в терминал кредитку, схватила пакет и ушла. В одно мгновение она сует кредитку, в другое — уже за дверями. Я вздыхаю. Я не люблю, когда меня перебивают.

В общем-то, я просто инструмент для продажи морошки, сушеных белых грибов и орехов в сиропе. Все это очень полезно и вкусно, местами дорого. И, конечно, потрясающе пахнет.

В дверях показывается Влад. Я знаю, что он будет трепаться о поставщиках и переделке контрактов, и это я тоже не люблю.

— И эту поставку я упустил.

Он, конечно, не сказал «упустил», он выругался.

— Жалко.

— Да ну конечно, — Влад потирает лысую голову и картинно охает. Весь его вид изображает усталость. — Как сегодня?

— Довольно удачный день, — и плюхаюсь на стул и рассеяно вожу рукой по гобелену с лесным пейзажем у себя за спиной, изображаю, что задумалась. Я шучу Владу свою классическую шутку про ягоды годжи, которые у нас постоянно спрашивают, а у нас их нет, и он

довольно хехекает. Влад бывает навязчив и любит поныть, напоминая в такие периоды тоскливую песню, которая крутится-крутится между ушей и не стремится покидать голову, но в целом он отличный коллега. Я пришла устраиваться к нему на работу после бессонной ночи, с во-от такенной ссадиной на правой щеке, а он меня взял. Подозреваю, что из жалости. Но бывают в жизни периоды, когда ты уже не презираешь других за жалость к себе, ты ею пользуешься, потому что приходится пользоваться хоть чем-то.

— Завтра надо будет съездить в офис.

Влад пропускает «тебе», как бы смягчая формулировку.

— Главная тебя хочет видеть, — добавляет он, поджимая губы, — я так понял, она со всеми сотрудниками устраивает тет-а-теты. Стратегии разрабатывает. Ты ее знаешь.

Я киваю. Влад сваливает, я досиживаю до десяти, закрываю кассу и ухожу в подсобку за курткой. Меховой капюшон пахнет табаком, хотя я бросила курить месяцев шесть назад.

Дверь магазина обиженно скрипит, когда я ее закрываю. Я барабаню пальцами по стали, будто пытаюсь что-то вспомнить, слушаю, как мимо несутся машины. Иду домой, тщательно впитывая в себя всю эту динамику огней, а на лица совсем не смотрю — у нас не так много покупателей, но я правда, очень, чудовищно устаю от людей.

Влад присылает мне напоминание в мессенджер, когда я прихожу в квартиру.

«В 4 в офисе». Я кидаю телефон в кресло, иду на кухню, чтобы вымыть посуду, но на автомате открываю холодильник и беру банку Лёвенбрау. Все вокруг темно-синее, и, на самом деле, я больше хочу спать, чем пить, но это привычка.

Паскудная, как и все мои плохие привычки.

После пары глотков меня отпускает; мир смазывается, я жую сыр, мне почти хорошо.

На последнем глотке сквозняком холодит ноги чье-то благословение — этаж третий, кажется; я как-то пыталась понять, кто именно там живет, но прицел сбит, а стараться я не хочу, даже из простого любопытства.

Возможно, мне все это кажется или я давно сошла с ума.

Я ложусь спать в своем мысленном стеклянном шаре: мутном, хорошо поцарапанном наждаком. Мелькает монохромный кадр — крупный план щебенки на дороге, вдали — огромное промышленное здание, небо низкое и, как где-то говорилось, «готовое разразиться дождем». Я почти слышу этот текст у себя в ушах, прежде чем отключиться.

***

Сыплет мелкий снежок. Я подхожу к зданию бизнес-центра с одной мыслью — похоже, архитектора, которому дали задание спроектировать это здание, в довесок попросили сделать его максимально безликим. И с задачей он справился на все сто.

Главная меня уже ждет. Каплан из тех женщин, которые в двадцать выглядят как-то странновато, а после сорока становятся пугающе, ведьмински привлекательны. Каплан сидит, положив ногу на ногу, на ней колготки в мелкую сеточку и бордовые туфли на огромной шпильке. И вся она какая-то бордовая и черная, как пиковая дама. Наверняка с крапленой карты.

У меня от нее мурашки по коже.

— Здравствуйте, Вера Германовна.

— Присаживайся, Варвара, — Каплан кивает на стул и клацает телефоном о клавиатуру ноутбука. Жалюзи с окон подняты, но все равно кажется, будто в кабинете полумрак.

Я снимаю куртку и вешаю на спинку стула, прежде чем сесть. Каплан оценивающе меня рассматривает, пялится на мой растянутый свитер в полосочках и зигзагах. Кажется, его привезла мать из Австрии или типа того; невероятно древний артефакт моей ранней юности. Как же я по ней скучаю. По матери, но не по юности.

— Влад мне тут насплетничал о тебе кое-что, — Вера Каплан отпивает кофе с таким видом, будто это вино. Губы у нее тоже бордовые, как туфли.

— Боюсь даже предположить, что именно, — я нервничаю. Холод проскальзывает по спине в живот.

— Про твои, так сказать, особые умения.

Я чувствую, как белею. Кровь вся уходит куда-то; вытекает из меня в бордовый цвет Каплан, сердце стучит. Влад не посмел.

— Да не переживай, — Главная машет рукой, блестят часы, я моргаю, — я в такие штуки верю. Не считаю, что ты врешь или сумасшедшая.

Есть ли определение у чувства опасности? Какое лучше сравнение подобрать? Нож, скользящий по пищеводу, неприятное горячее дыхание где-то над ухом. Это и боль, и оторопь, все сразу.

Мне полагается посмеяться и сказать «вы что, во все это верите? А гороскопы тоже читаете?».

— Вы правда верите в эти байки? — медленно моргая, спрашиваю я. Я злюсь. Хочется убежать. Я начинаю исчезать, размазываться по этому моменту; я ненавижу бояться и боюсь ненавидеть.

— Какая ты напряженная, — Каплан улыбается, скалится, точнее, и ее голубые глаза сужаются до щелок, — я не просто верю в байки, я видела работу одаренных. Очень давно, правда.

Она везучая. Каплан продолжает:

— Когда-то властьимущие смотрели на дары иначе. Не запрещали. И даже активно ими пользовались. Ты, конечно, не особенно застала девяностые, но жизнь тогда была куда цветастее.

— Застала.

— Тогда сочти мое допущение за комплимент, — Вера Германовна вновь показывает гладкие белые зубы, — это сейчас все, что связано с дарами — дурной вкус, сказки для домохозяек; реальность для тех, у кого есть деньги.

Зачем она все мне это рассказывает? Показывает, что знает современную историю? Или она считает, что для одаренного праздник, когда ему верят? Я должна расплакаться от счастья?

— Варвара… Я хотела посплетничать. Не часто встречаешь человека, который лично знал хоть одного багра.

— Я, правда, не хочу об этом говорить, — я кривлюсь, изо всех сил стараясь держать себя в руках, — я думала, мы про поставки будем общаться, а не про всё… Это.

— Подруга мне как-то говорила, что у ее однокурсника на даче живет демон. Знаешь, такие дачи за высоченными заборами и охранником в будочке. Не дачи, а скорей особняки. Болтают, что в подобных домах хоть какие оргии можно устраивать, и с демонами, и с ангелами, и с джинами и другой любой шушерой, но чтоб так достоверно знать…

Каплан меня провоцирует. Но я просто перестаю ее слушать. По слухам, богатеи плевали на эмбарго. Они не закрывают щелей, собирают бестиарии, совершенно не заботясь о качестве жизни гостей, охотно принимают от них дары, тоже не переживая о своей безопасности. Олигарха нашли мертвым? Конечно, в новостях напишут, что «внезапный инсульт поразил завсегдатая страниц журнала Форбс». Про то, что у него передоз дарами, никто не скажет. Всего этого официально нет и никогда не было. Примерно как домовых, работающей гомеопатии и защиты прав человека.

Я все еще не понимаю, что Каплан от меня хочет.

— Варвара, в общем, у меня есть для тебя работа, — наконец, Главная переходит к делу. Ее глаза блестят, я чуть подаюсь вперед.

— Я не… занимаюсь больше всем этим, — я мотаю головой, нервно хихикая про себя. Все это выглядит, как кошмарный гриппозный сон.

— Почему?

— По личным соображениям.

Каплан кивает. На самом деле ей плевать, почему я отказываюсь.

— Задача не очень сложная. Награда — хорошая — по моим меркам хорошая — сумма денег.

Вера Каплан влиятельная женщина. Помимо «Морошки», она владеет сетью кафе и журналом о здоровом питании, у нее крутейшие социальные сети с дикими тысячами подписчиков. Она блистательна, уверена в себе, лишена пагубных привычек и успешна. Полная противоположность тому, что представляю из себя я.

— Я ничего пока от тебя не прошу, только разговора.

— Так мы сейчас и разговариваем. Я не буду… работать для вас.

— Послушай, Варвара, — Каплан отпивает еще кофе и хмурится, когда телефон начинает вибрировать. Но она не реагирует на звонок, — в четверг вечером встретимся в моем кафе, наверху синей ветки. Я тебе все подробно расскажу.

— Нет.

Она вновь широко улыбается: хищно, видно и верхние, и нижние зубы, идеально белые. Я просто дышу, стараясь не думать, чтобы не злиться.

— Ой, я забыла предложить тебе кофе, — Каплан театральным движением шлепает себя по лбу, я пытаюсь вяло возразить, что так поздно кофе не пью, но она уже и не слушает. Это был всего лишь жест вежливости, который она продемонстрировала слишком поздно. Каплан как бы между делом роняет:

— Ты ведь из охотниц.

— Я не обязана...

— Да-да, — Каплан растопыривает пальцы, а потом хлопает ими по столу, — конечно. Слушай, ты уже согласилась на встречу. Но не юли, пожалуйста. Не стоит. Ты охотница. И для тебя есть работа.

Я медленно вздыхаю и выдыхаю.

— Я продавщица в вашем магазине, — спокойно говорю я. — Никакой «работы», связанной с дарами, ни за какие деньги я выполнять для вас не буду. Я этим не занимаюсь. Уже много лет.

Каплан даже не моргает.

— Ну да, я предполагала, что ты из тех высокомерных нищебродок, которых «невозможно купить», — Главная барабанит пальцами по столу, — действительно, на что ты потратишь деньги? На пожрать тебе хватает, квартиру оставила мать. Красивая кстати ферма у мамы, я видела фото в «Одноклассниках». Ты маме нервов порядочно потрепала, конечно, но она все, что у тебя есть, правда ведь?.. Надеюсь, и мама и ферма еще будут процветать долго-долго.

Она сошла с ума.

— Тихо-тихо, мне не нравится твой взгляд. Купить тебя нельзя, но… Ты ведь понимаешь, к чему я веду.

Я хочу схватить Каплан за горло.

— Зачем вам это, Вера Германовна? — я облокачиваюсь на стол. — У вас есть связи. Найдите другого охотника.

— Я наводила о тебе справки, Варвара, ты же уже поняла. Мне нужна именно ты.

Она кокетливо смотрит на меня из-под длиннющих нарощенных ресниц. Но у меня внутри все кипит и переворачивается; она знает обо мне все. Говорят, в полиции есть реестр на таких, как я; охотничья чуйка — это не повышенная удача или редкое мастерство в постели, не долголетие или благословление. Это дурацкий опасный дар, доставшийся мне от бабки, которую, по слухам, застрелили во время облавы в 67-ом. Этот дар не выиграла в генетической лотерее моя мама. Зато выиграла я, да еще и с лихвой.

— То, что вы делаете, бесчестно, — наконец, выдавливаю я, — неужели вы этого не понимаете?

Каплан театрально ахает.

— Ну зато мы сразу разобрались, кто антагонист. Я просто хочу получить то, что мне надо и использую все возможные для этого рычаги.

— И чего же вы хотите?

— Узнаешь в четверг. А теперь — иди, и не забудь позвонить маме.

Я не прощаюсь с Каплан, она улыбается; спускаясь по лестнице, я уже вижу, как она в четверг будет точно так же прихлебывать кофе из чашечки и улыбаться. И просить меня сделать то, что всегда просят делать охотников.

Охотиться.

Как же я ее ненавижу.

2

Кажется, это шел 1998 год. Я тогда была совсем соплячкой-школьницей, друзья мои мне соответствовали. Два парня-троечника и две отличницы: я и Елена. Мы приехали в заброшенную усадьбу, забив на школьный субботник. Детей многому можно научить, показав им наглядно яркие архетипы древнегреческих историй. Например, о Сизифе: при помощи чертовых листьев, которые сколько не сгребай, они снова нападают. Мы это понимали и субботник проигнорировали.

Так, плевав на школьные обязанности, мы сели на автобус и приехали к заброшенной усадьбе, пустовавшей с советских времен. Охраны не наблюдалось, стояла тишина. Только шуршали листья по скромному подворью. Блестели лужи. Мы влезли внутрь через разбитое окно. Елена ссадила локоть и красочно, явно стараясь произвести впечатление на троечников, выругалась.

Я шла по усадьбе и просто нюхала воздух, как собака. Запахи вообще были моей темой с самого малолетства. Есть дети, которым нравятся краски или пластилин, кто-то любил музыку; я обожала вдыхать ароматы и моим алтарем был мамин туалетный столик, заставленный духами. Я торчала возле него часами. Интересно, какую насыщенную жизнь порой проживаешь, просто дыша.

Как потом выяснилось, это нормально для охотников, стандартная побочка дара. И именно там, в этом заброшенном доме, запахи казались мне насыщеннее некуда. Я дышала так глубоко, что начала кружиться голова. Пока не поняла, что чувствую совсем не запахи.

А следы гостей.

Следы даров. Благословления. Проклятья. Лейтмотивом — ярость и отчаяние слабенькой метлы, которая тщетно пыталась выгнать какого-то ну очень мощного гостя. И поверх всего этого, базовой нотой, отточенная, мощная работа багра.

Это был первый раз, когда я почуяла следы иномирья в таком объеме и первый раз, когда почуяла багра. Как я потом узнала, в этой усадьбе жила женщина-багор: женщины-багры пахнут чуть иначе, чем мужчины, и есть тонкости. Когда домик разгромила сменяющаяся власть, багра и метлу убили. А гостей, по легенде, схватили какие-то ученые-экспериментаторы и увезли… Впрочем, все это, скорее всего, и правда была лишь городская легенда.

Тогда я этого не знала. Я бродила по заброшенным комнатам, слушала болтовню Елены и глупые шутки троечников. Дверь в подвал была заварена, мы переглянулись, синхронно пожали плечами и пошли вон из усадьбы, слегка разочарованные.

Я не стала говорить одноклассникам о своих ощущениях. Уже в моем раннем детстве болтать о дарах считалось чем-то не очень приличным, почти если ты был связан с Кашпировским, Джуной или какими-нибудь уцелевшими братками в малиновых пиджаках, которые трепались о дарах направо и налево, а в начале 21-го века и подавно. Мама мне рассказывала, что после перестройки экстрасенсы, христианские сектанты и одаренные лезли из каждого угла, толкаясь локтями за внимание бывших строителей коммунизма. Но за десять лет все это схлынуло.

Глупо хихикая, мы шли к метро; на куртке Елены, там, где она ссадила руку о раму, проступало красное пятно. Потом на этом месте у нее остался маленький белый шрам.

Уже был совсем конец октября.

А вот после выпускного, когда нормальные дети отправляются на вписки лишаться девственности, мы с Еленой вновь забили на школьную ритуалистику и полезли в очередной заброшенный дом: другую старую усадьбу на окраине парка в нашем районе.

Мы часто пили там пиво с троечниками, парни рисовали из баллончиков знаки анархии, плохо понимая, что это такое. Всем было плевать на политику, но когда тебе семнадцать, очень хочется протестовать хоть против чего-нибудь.

В домике пахло пылью и плесенью. Елена уже почти расположилась на коробке под кривым черным кругом, как в углу, под подоконником, кто-то зашевелился.

Я схватила Елену за запястье, помню, как в ее глазах мелькнул серый утренний свет, четыре часа, июнь.

А в следующую секунду Елена хрипло вскрикнула, как обиженное животное, вдоль ее тела скользнула какая-то зазубренная, будто много раз поломанная рука, сразу стало темно и рыхло, что ли, и прогоркло, и я совсем не могла дышать.

Я убежала.

Полиция приехала к десяти.

Демона и след простыл, а от Елены, как потом написали в журналистских сводках, осталась кучка одежды, голова и левая рука — с маленьким белым шрамом.

Конечно, это был бомж-маньяк, обладавший невиданной силой и очень острыми зубами.

Кто же еще.

Потом я множество раз думала: почему мы постоянно лезли на рожон? Все эти заброшенные дома, поиски приключений. И находила один ответ. Я была инициатором. Я хотела охотиться, хоть и не знала этого. И тащила друзей туда, где оставались следы одаренных. Где можно было почувствовать хоть что-то. Где я могла понять наконец, кто я. Где я нашла бы новый запах.

За такие открытия, конечно, приходится платить.

***

Кажется, мне опять приснилась бабушка.

Я отбрасываю одеяло, встаю, чтобы вновь нелепо рухнуть на край кровати. Каждый выходной я просыпаюсь разбитой, будто звук будильника собирает меня воедино, а без него — я колосс из глины. Сухой и почти развалившийся на части.

Каплан ждала меня к семи вечера — а я проснулась в пять. Повезло, что не проспала. С другой стороны, что она мне сделает? Но я не хотела проблем, мне нравилась «Морошка». Аналогичное место найти будет сложно, особенно, когда у тебя нет образования и опыта.

Я автоматически включаю телевизор на кухне, открываю питьевой йогурт и морщусь: в нос бьет химический запах. Президент бормочет о реформах, пока я пялюсь в серую вереницу многоэтажек за окном, на теплые оранжевые огни. Стемнело недавно, но, когда я так поздно встаю, кажется, что утр не бывает как факта. Что я бесконечно плыву среди этих бетонных скал по тягучему безвременью. Плыву в плотной коробке, тесной, неудобной, практически в прокрустовом ложе.

Президент продолжает говорить о пенсионной реформе, когда я закручиваю пустую бутылку крышкой и бросаю в мусорку. Долго и сосредоточенно оттираю бордовое пятно от столешницы, растягивая каждый момент. Думаю о Каплан и ее туфлях. О том, что одна из них стоит на моей бледной шее, я почти вижу, как шпилька впивается в надутую вену.

Сука. Она действительно угрожала мне. Безумная сука.

Что, если я просто убегу? Соберу вещи и отправлюсь бомжевать. Мама не получит от меня традиционного субботнего звонка и…

…И я все равно ею рискую.

Я загнана в угол. В который уже раз. Ироничная судьба для охотницы.

Выходя из дома, я встречаю всех возможных соседей, они возвращаются с работы. Я здороваюсь максимально вежливо, дыша тихо-тихо, будто в насморк; не хочу знать, кто из них раздает благословения. Дар для меня — печать на чужом лбу, люди теряют свою безликость, если я вижу, что их проштамповали.

Я не хочу, чтобы они ее теряли. Я слишком долго отделяла себя от других.

Первым делом, конечно, Каплан говорит, чтобы я не злилась на Влада за то, что он сдал меня. Я и не злюсь. Я ненавижу ее, это другое дело.

Все ее кафе примерно одинаковы: темный потолок, крошечные оранжевые лампочки, все выглядит так, будто техногенные феи захватили завод и навели свой специфический уют. Каплан пила вино, когда я вошла, и вокруг нее уже раздулась особая атмосфера почтения — королева пришла навестить подданных. Я почти начинаю стесняться своего растянутого свитера и испорченных солью сапог, размазанной снегопадом дешевой туши для ресниц. Почти — потому что моментально заказываю кружку «Бада», поднимая собственную вульгарность на невообразимый уровень.

Каплан слышит мой заказ и едва заметно двигает бровью. Надеюсь, она знает, что я не стремлюсь ее шокировать.

— Варвара, — говорит она, когда возня с официанткой закончена, — мне нужно, чтобы ты нашла багра.

Как будто я сомневалась, что работа будет иной. Просто не хотела про это думать.

Я хочу встать и уйти. Мне еще не принесли пиво, и я судорожно охватываю взглядом зал. Мне все равно некуда бежать, некуда.

— Успокойся, — Каплан тянет руку, — просто послушай, не психуй.

Я смотрю на нее: надеюсь, не мрачно, а своим обычным, как говорили, тяжелым взглядом, от которого безуспешно отучалась в «Морошке».

— Ты в юности была активисткой, — говорит Каплан. — Интернет-портал «Ворота». Акционисты, всякая там пестрая подпольная деятельность. В интернете до сих пор все это легко найти. И твои фото…

Я уже поняла, что она нашла обо мне все, что только можно.

— Это было очень давно. После того, как Петра посадили, все закончилось. Вы знаете, как потом закрутили гайки.

— Да. Вы лезли на рожон, — Каплан пожимает плечами, — пытались бороться против официальной политики. Спасти тех, кого посадили за неудачный пост в какой-нибудь социальной сети с картинкой вроде «вызывать демонов не бросим»…

Все это было очень глупо. Помню, как стояла с плакатом у здания Думы, дикая жара — июль, девятый год. А вот кого мы призывали освободить — уже не помню. Слишком много было их, этих имен. И почти все, что мы делали, оказалось без толку. Столько сил, страсти, идей — потом и кровью просто просочились в песок. Мы были фриками, которые борются с ветряными мельницами. Так нам потом сказали. Сказали примерно все.

— Законы, связанные с оскорблениями чувств, стали отличным инструментом для того, чтобы карать негодных, — мне принесли пиво, и Каплан посмотрела на бокал с иронией. — Мы с тобой это прекрасно знаем. Но также и знаем, что властьимущие пользуются…

— Вы тоже властьимущая, — перебиваю ее я и делаю большой глоток холодного Бада. Мерзко и хорошо, — вам нужен гость? Какой-то дар? Я все равно не понимаю, почему вы в меня вцепились. У вас куча денег. Обратитесь к «Данайцам» в даркнете.

Каплан вздыхает, барабанит пальцами по столу. Официантки жадно ловят ее взгляд.

— У меня есть причины, чтобы не доверять «Данайцам». Уж слишком много обмана. Я знаю, что ты лучшая.

«Лучшая…» Сколько правды она знает, если так считает?.. Каплан продолжает:

— Мне нужен один багор, который достанет определенное существо. Определенного гостя.

Я залпом выпиваю половину бокала. «Кастомизированный заказ». Мы это так называли. В те времена, когда ни «Данайцев», ни других сетевых подпольщиков не было, а были про-

сто ребята с дарами, старавшиеся приносить пользу обществу. Которое их же за это жестоко карало.

— Я не могу найти багра с конкретными особенностями, — вру я. — Это так не работает. Охотники просто чуют разных одаренных. Иногда — лучше настроены, как радио, на определенную волну.

Каплан меня даже не слышит.

— Терять тебе нечего. Зато есть что получить.

Она пытается мотивировать меня не только страхом и деньгами, как любопытно. Добрый и злой полицейский в одном лице.

— Вы же не случайно начали с активизма, — я зверски устала. Давно не вела таких длинных и неприятных разговоров. — К чему это?

— У меня есть информация, что в городе существует большая подпольная лаборатория. Там сидят багры, метлы, охотники, масса одаренных всех мастей. Есть огромный бестиарий.

— И по ночам они все катаются на метро-2, а потом пируют в секретном бункере Сталина и питаются некротической энергией, — бормочу я в стакан. Этой городской легенде много лет, она есть на любых сайтах с крипипастой.

Каплан быстрым движением наклоняется ко мне, ее рука с силой ударяет по бокалу и опрокидывает его на пол. Звон оглушительный.

Звуки в кафе исчезают — но лишь на секунду.

У моих ног аж три официантки, собирают осколки и вытирают от пива пол.

Я поднимаю глаза на Каплан. Ее лицо совершенно спокойно.

— Ты думаешь, я тут с тобой шучу? — она поджимает губы. — Ты же нищета. Твоя мать старая и больная, а ты даже не способна ей и копейкой помочь. Даже увидеть ее не хочешь. Какого черта ты сидишь и рожу прыщавую кривишь?

Больше всего меня обижает то, что прыщ — один, на лбу. Даже не задевает ее тон. Я молчу.

— Ты никому не нужна, господи! — Каплан повышает голос, официантки ретируются. Теперь ее черед злиться, — ты думаешь, я тебя сдам властям, например? Все про тебя и так все знают. Среди тысячи «не таких как все» идиоток, которые орут, что они с даром, чтобы сделать атмосферные фотки, про тебя-то уж точно известно, что ты охотница. Талантливая охотница, которая глушит свои силы. Теперь у тебя есть возможность использовать свой дар, чтобы заработать денег и сделать доброе дело.

— Вы сначала угрожали моей семье, а теперь говорите про «доброе дело», — я качаю головой, — вам что, стало стыдно?

Каплан открывает рот, чтобы что-то сказать, но осекается. Может быть, я попала в цель. Какая разница.

— Ты врешь, когда говоришь, что не можешь найти конкретного одаренного с конкретными особенностями, — наконец произносит она.

Я тру лицо руками. Такое себе «доброе дело».

— Я искала охотницу много лет, — говорит Каплан. — И из всех возможных вариантов ты — самый надежный.

Достает из сумочки сложенный вдвое лист офисной бумаги, я вижу распечатанную статью. На мгновение мне кажется, что Каплан просто сумасшедшая, одержимая какой-то блажью, мифическим белым китом.

Я читала эту статью пару лет назад. Конечно, тысячу раз историю объявили фейком, но все прекрасно знали, что произошло. Якобы единственный документированный случай воскрешения в ГКБ имени Боткина, слил какой-то лаборант. Было много смешных картинок и рекламных акций. Маркетологи подсуетятся всегда. «Встань и иди… за новым бургером и картошкой фри с двадцатипроцентной скидкой».

— В этой истории ты не сомневаешься?

Я отдаю Каплан распечатку.

— Скорее всего, история правдивая, раз ее так быстро обсмеяли официальные СМИ. И я знаю, к чему вы клоните: дар воскрешения дают только ангелы.

Каплан кивает. Я читаю вслух:

— «Воскреснувшего господина Тополева, благополучно скончавшегося от цирроза через год после собственного возвращения из мертвых, когда-то благословил ангел, что обеспечило ему единократное воскрешение»… Багры редко вытаскивают ангелов; слишком сложно сделать проход аж… Туда.

Я бормочу, практически не следя за реакцией Каплан. Она неожиданно мягко говорит:

— В городе есть такой багор. И по моей информации, он как раз сидит в этой самой лаборатории. След Тополева терялся в ней.

— Вы уверены?

Каплан молча на меня смотрит. Она что, так боится смерти?..

— Так вам нужен ангел? — я стараюсь не усмехаться. — Такие у вас «добрые дела»?

— Мне нужен этот багор, — она стукает кулаком по столу. У нее странный взгляд; не могу понять, что он значит. Возможно, у нее не все в порядке с головой. — Твоя задача проста: настраиваешься, чуешь багра, находишь лабораторию. Все. Дальше все сделают… Мои люди.

— И как вы собираетесь его оттуда вытаскивать?! Кому бы эта гипотетическая лаборатория ни принадлежала, они ни за что не разрешат вам просто прийти туда и унести одаренного под мышкой.

— Эта лаборатория не подчиняется официальной власти, я убеждена. И это первый этап, — Каплан хмурится. Я чувствую ее уязвимость. Это почти так же приятно, как если бы она сама пошла бы собирать осколки от разбитого бокала, изранилась бы, извинилась передо мной за свое поведение. И она сразу же выдает: — Да, Варвара. Я была с тобой резка. И да, я тебе угрожаю. Но поверь: дело не только в деньгах. Ты сделаешь по-настоящему добрый поступок, если найдешь эту лабораторию. Обещаю.

— У нас с вами разные представления о доброте, — я пожимаю плечами. Может хоть еще один бокал разбить, да об мою голову. — Почему именно сейчас? Я давно у вас работаю. Неужели вы не знали, раз вы такая прошаренная?

Вера Германовна молчит. Наконец, роняет:

— Мне нужен багор, который может вытащить ангела. Это всё. Жди от меня сообщения с дальнейшими указаниями.

Мне уже давно плевать на багров, ангелов, дары, добрые дела. На то, куда все это катится; я бреду через дни, раздаю грибы в обмен на бумажки, чтобы дожить до следующей недели, месяца, возможно даже года.

Я слишком труслива, чтобы все это закончить. Я живу на четырнадцатом этаже, так что…

Я скомкано прощаюсь с Каплан. Чувствую ее взгляд на спине, когда топаю к выходу. Покупаю у метро банку энергетика и давлюсь, наблюдая, как народ набивается в стеклянные двери.

Я не брала заказы с того самого дня. Я вообще живу так, словно никаких даров не существует. Слишком страшно, слишком бестолково; а сейчас меня кто-то будто втолкнул в чужой, полуосознанный, предрассветный сон. Я появилась в нем, как абстрактный персонаж, исполнитель глупой воли.

Телефон в кармане вибрирует; я уже знаю, что это пишет мама.

Я сжимаю энергетик в руке и одновременно крепко жмурюсь; чтобы проснуться — бесполезно; и, конечно, чтобы окончательно не расплакаться.

Тоже бесполезно.

3

Всю ночь мне снятся похороны Елены.

Кажется, в последний раз я рассказывала о нелепой смерти школьной подруги в «Воротах». С ее смерти тогда как раз прошел год, год со школьного выпускного.

Мы постоянно меняли наш штаб, а в ту ночь сидели на Кантемировской у кого-то на вписке. Ника печатала листовки и наклейки, Штерн бренчал на гитаре. Так странно вспоминать, что когда-то у меня были друзья, парни, бары, дачи, поездки на море. Я существовала в качестве нормальной живой девушки, даже когда вся моя жизнь вращалась вокруг «Ворот».

Все бесконечно рифмуется, как в голове у рэпера-наркомана. Лицо Елены в гробу было маленькое и бледное; оно снилось мне, стояло перед глазами, когда я ехала в метро с Кантемировской в тот день. Вышла на Павелецкой, поднялась наверх, и где-то на углу возле вокзала в первый раз почуяла насыщенно-пряный дух Т. Он возвращался из университета, как мы выяснили несколько месяцев спустя, когда уже познакомились.

Было очень холодно. Т. сам ко мне подошел. «Ты так пялишься», — сказал он, — «охотница, что ли?». Это был самый дикий вопрос, который можно задать. Но я не стала отрицать. Сыпал снежок, а я стояла в кедах. «Давай выпьем», — продолжил он, будто сто лет меня знал, — «а то простудишься. Да ты и не прочь со мной выпить, я же вижу».

Он угостил меня водкой.

Мы потом пили ее не раз, хотя оба не были ее поклонниками: появилась такая маленькая традиция. Т. мог вытащить в один день демона и русалку, а потом Ника их выгоняла, мы получали кучу денег и шли тратить ее самым тривиальным образом. Раньше, когда я все это вспоминала, у меня перед глазами была только улыбка Т. Его белые, острые зубы.

Я чуяла его много лет — он периодически приезжал в город, «этот вонючий Вавилон», и каждый раз кто-то невидимый бил меня ногой в живот. Все, что от Т. осталось — это полностью боль, густая, концентрированная, с самозародившейся душенькой, практически эгрегор. Который я питала много лет. Пока не научилась отстраняться, не чуять ни гостей, ни даров, не искать, что самое главное, багров в этих толпах.

Чтобы не нарваться на Т.

Это такой простой, лубочный шовинизм: обжечься на огоньке и стать ярым ненавистником всей стихии огня, даже если это милая рождественская свечка из Икеи. Но я максималистка. Всегда была.

Но тогда в этом имелся смысл, потому что когда ты подросток, быть максималистом нормально. Все так ярко освещено, что тебе не до полутонов. Каждый день как русская рулетка. Печатать листовки, ходить на митинги, раз в месяц вытаскивать черт пойми откуда демонов и русалок — куда веселее, чем колоться по подвалам, но почти так же опасно. Рано или поздно тебя поймают. И объяснят, что тебя нет.

Машины скользят мимо парка: огни смазывались, следы терялись в сумраке. Рассвет через час, я сижу и впервые за полгода курю, на дорожках тает снег. Когда мне вновь напишет Каплан? Сколько я успею выкурить?..

Что это еще за багор, который вытаскивает ангелов?.. Я должна была чуять его раньше, если, конечно, он появился в городе еще тогда, когда я охотилась. Т. был так, быстрой, хорошо управляемой лодкой среднего размера; но ловец ангелов — это чертов крейсер.

Ангелы! Я видела их лишь на фотке. Это огромная огненная дура, рядом с которой ты не то что стоять не сможешь, думать сможешь с трудом. Впрочем, возможно, это был фотошоп… Иногда мне кажется, что я просто сошла с ума и власти правы — никаких даров не существует.

Вытащить такую хрень с ее плана…

Я тру рукой лоб, просыпая на коленки пепел.

И этого ангелодера держат в лаборатории. Жуткой подпольной лаборатории где-то в «Вавилоне».

Каплан определенно сошла с ума. Это уровень фантазий школьников с Двача.

Мы как-то залезли к богачу. Роскошная квартирка на юге города, пентхаус с джакузи, разбросанные пестрые туфли крутейших марок. В одной из комнат сидела закованная метла — и рядом с ней, в клетке для собаки среднего размера, покоцанный, весь выцветший демон. Еще в комнате была кровать с тонким грязным матрасом…

Мы с Никой ревели, как две первоклассницы, потерявшие куклу, пока освобождали метлу. Она почти ничего не соображала — от долгого соседства с гостями метлы быстро сходят с ума, и эта девушка еще была крепкой.

Тогда все кончилось хорошо: мы вернули метлу родным, демона изгнали, богачу оставили привет — гору полыхающих туфель и неприятный сюрприз в джакузи. Ника была тот еще панк…

Но их оставалось много. Слишком много. Команд типа «Ворот» — своего рода клубов для одаренных — в стране не хватало; многих переловили, кто-то сбежал, кто-то спился или чокнулся. Я просто ушла, встретив Т. и прихватив Нику — мы посчитали, что троица — охотница, багор и метла — принесут больше пользы, чем огромная разношерстная команда активистов. Да и я наконец смогу скопить на учебу…

Но все, конечно, пошло не так.

Я стала «нищетой».

Перед глазами возникает лицо Т., он, разумеется, смеется, я на секунду думаю, что мне придется искать именно его, и все внутри сворачивается в узел. Лучше сдохнуть сразу. Проходящая мимо бабушка с терьером с тревогой всматривается в мое лицо.

В эту секунду Каплан пишет мне в мессенджер, и я поднимаюсь со скамейки.

«Тебе надо встретиться с человеком, который знал Тополева. Сейчас пришлю адрес».

Слишком долгая цепочка, слишком много лет. Следы сильно размываются со временем, да и давно я не практиковалась.

Каплан присылает адрес; я сворачиваю к метро, даже не уточняя, ждут ли меня сейчас. Морально готовлюсь петлять по новостройкам, пока шагаю от турникетов вглубь; вдыхаю воздух, душный, теплый, насыщенный, позволяю себе ощутить — словно не дышала полной грудью много лет.

И будто бьюсь о стекло с размаху. На эскалаторе вцепляюсь в поручень так, что белеют пальцы. Я разучилась чувствовать. Я разучилась и провалю задание, как пить дать; впрочем, я и не давала Каплан никаких гарантий.

Интересно, что будет? Ее цепные собаки прибегут на мамину ферму с баллонами керосина, а я случайно смертельно отравлюсь просроченным йогуртом?..

Я качаю головой. Может быть, я просто окончательно перестала различать что реально, а что нет и все это — бред воспаленного разума. Ну да, отрицание реальности; какая это форма психологической защиты?..

После второй пересадки я почти успокаиваюсь. Поезд мчит меня на восток, к человеку, который знал того, кого воскресил дар ангела.

«Виктору много лет. Будь вежливой», — наставительно пишет Каплан, и я вздыхаю. Она же считает меня совсем опустившейся оборванкой.

Виктор оказывается очень полным мужчиной лет пятидесяти, с размытым, странным лицом — черты будто слегка намечены на рыхловатой бледной коже. Он открывает дверь пошире и впускает меня в квартиру: солоноватый запах, старенькие обои, заваленный коробками кухонный стол. Холостяцкий пейзаж.

Виктор будто бы не сразу понимает, кто я собственно такая, и рассматривая меня, склонив голову на бок.

— Так это вы Варвара, — тянет он, и мне становится неловко. Я медленно дышу, считывая его и запоминая. Сложный запах, в нем сплетено много историй.

— Мне скоро уходить надо. Уж извините, чая вам не предложу. Вера говорила, что у вас ко мне несколько вопросов? Для вашего общего… Дела?

Каплан не объяснила ему, что я должна просто увидеть его.

Где-то в глубине квартиры мяукает телевизор, душно, и по моей спине течет пот. Давно я не чувствовала себя так неловко.

Виктор что-то порывается сказать, когда вдруг внутри меня щелкает: я чую тоненькую ниточку к Тополеву, мелькают обрывки воспоминаний, какая-то баня, какие-то женщины с начесанными волосами, бегущие по снегу собаки, фейерверки, выступление президента по телевизору.

— Вы дружили с Тополевым, когда он получил благословение, верно? — спрашиваю я. Виктор медленно моргает.

— Да. Это было лет семь назад, — я вижу, как сильно ему хочется меня выпроводить. А ведь Тополев был не беден; почему ж его друг встречает старость в такой убогой клетушке?

Впрочем, это не мое дело. Я протягиваю нитку от образа Тополева к благословению, от него – к ангелу, от ангела — к тому, кто его вытащил. Виктор не спускает с меня глаз, но все происходит быстро: я просто вдыхаю и выдыхаю, уже поймав, зафиксировав хоть какой-то образ.

Красный кленовый лист. Потемневший от времени и драный, будто на флаге ненавистника Канады. Что это значит?.. Подумаю потом, хоть это и необязательно: лист всего лишь якорь, чтобы настроиться на след багра.

— Спасибо, — говорю я и кладу руку на дверную ручку. Под ногой хрустит полиэтиленовый пакет.

Виктор отвечает мне что-то смутное, пока я шагаю по грязному кафелю к лифту. Кажется, он спрашивает «это все? Куда вы?». Ну да, можно и попрощаться. Но мне действительно нужно было просто посмотреть на него.

Спускаясь вниз, я набираю сообщение для Каплан:

«Я получила след».

Ответ приходит сразу.

«Что дальше?»

Я протягиваю руку к дверцам лифта, представляя, как за ними мелькают этажи. Примерно так все и будет: я буду лететь мимо пока что схлопнутой от меня реальности багра, принюхиваясь.

Попросту бродить по городу часами, и рано или поздно я наткнусь на след. Возможно, Каплан надурили и никакой странной лаборатории нет, и ее багор торчит на Рублевке, распивая шампанское в компании олигархов. Такими персонажами круг состоятельных людей просто кишит. Возможно, багор вообще давно мертв; тогда след приведет меня к месту его захоронения. Следы на кладбищах тают быстро, особенно тех, кто связывался с демонами или джинами. А вот благословленные ангелами, наверное, фонят долго: о, довольно очевидно, почему.

Как же я не хотела охотиться.

Не хочу; хотя и начинаю. Я впустила в себя чужую блажь, чтобы дать ей прорасти, как плесени. Была б Ника тут, она сказала бы, что «это суть твоя», и похлопала по плечу, а сейчас она идет по теплой улице среди загорелых улыбчивых людей — я уверена. Я даже не помнила, когда Ника уехала. Без ее проницательности и банальных, но никуда не деться — истин, я потеряла часть себя.

Жизнь как сплошной поток потерь. Будто я кусок мыла, что долго-долго летел по скользкой дорожке, пока не стал тоненьким и бесполезным.

Телефон завибрировал. Пришло сообщение от Каплан:

«Завтра твой последний день в «Морошке», а потом отправляю тебя в отпуск. Пока не выполнишь задание». И смайлик.

Ну, по крайней мере, я смогу выспаться.

4

... — Вот так, очень хорошо.

Ника стояла, растопырив пальцы, как будто пыталась закрыться от потока солнечного света. Она смотрела вверх. Я сидела на земле, скрестив ноги, слушая бормотание клиентки — я знала, что ей очень страшно. Ника зря поднимала руки, демон просто не уходил, не хотел уходить, он нас игнорировал.

Мои сапоги по колено были в грязи. В низине между деревьями эта грязь аж хлюпала, как первородная глина. Кричали птицы. Почему-то клиенты обожали вызывать демонов осенью — чувствовали слабость, уход, увядание. Демоны способны помочь восстановить здоровье, разом обрести физическую силу.

Много чего они могут. И они своенравны.

— Давай ещё раз, — Т. невозмутимо стряхнул пепел с сигареты. Он совсем не смотрел на клиентку, только на Нику — она пыталась хотя бы запустить ритуал изгнания уже десять минут.

— Может, я все-таки поеду, — клиентка переступала с ноги на ногу, дар ею был получен, ее глаза ещё сверкали красным, будто она с жадностью всматривалась в запрещающий движение светофор. Мы бы ее отпустили, но клиент должен видеть, как метла выгоняет гостя — это было правило многих багров, и Т. в том числе. «Мы нарушаем закон, она соучастник, и в случае чего должна свидетельствовать, что гость был освобождён и ритуал завершён». Я все время спорила, что никакого закона мы не нарушаем, потому что власти не признают нашего существования. Но Т. отличался дотошностью, он не мог без правил. Он был душный, как вагон метро в жару.

Демон сидел под елкой. Бордовая бесформенная куча плоти, лишенная даже намёка на лицо и какие-то привычные глазу органы и конечности. Я долго боялась узнать, как выглядят на самом деле демоны; особенно после смерти Елены. Я избегала даже смотреть фильмы ужасов, например, трилогию «Круги ада», где демонов нарисовали вполне похоже на настоящих. Но потом привыкла. Ко всему привыкаешь.

Старания Ники чувствовались, как нудное зудение комара, который бьется о стекло, да так и не и добивается цели. И вдруг я почуяла другую метлу — довольно далеко; но метла стремительно приближалась.

— Там другая метла, — пробормотала я.

Клиентка вздрогнула:

— Я ее не звала!

Ну конечно. Она просто прогуливалась в этой глуши, случайно почуяла конкурентов. Т. подхватил с пола нашу сумку:

— Надо уходить.

Рука Елены — кадром перед глазами.

— Мы не можем оставить демона здесь, — возразила я и поднялась с земли. Метла была совсем близко. Я слышала, как едет машина; клиентка побежала прочь из просеки к дороге — и демон рванул за ней.

Ника совершенно не могла его сдержать. У меня перед глазами стоял шрам Елены, когда бурая масса вдруг остановилась, замаячила, как тролль с картин Киттельсена, между елками.

Тогда я поняла: он жрал наш страх. Азарт Т. Я чувствовала, как демон ухмыляется, сытый, и все, что я могла сделать, это позвать Нику по имени.

Я помню до сих пор, как она обернулась, как полыхнуло среди деревьев ее дурацкое оранжевое вязаное пальто; как она резко махнула руками, перекрещивая их в воздухе, как демон бесследно исчез.

Помню, мы долго брели по лесу, отставив позади клиентку. Следы метлы я уже не могла почуять. Мы вышли к станции, когда солнце прожаривало все вокруг ярко-красным закатным светом.

Электричка, на счастье, приехала через минуту.

Я сидела на неудобном пластиковом сидении и смотрела на огромное ведро с грибами у бабушки через проход. Т. с чувством сказал:

— Интересно, кто она была, та метла…

Я спросила:

— То есть ты уверен, что это не совпадение?

— Конечно. Наша клиентка зря перестраховалась.

— Не зря. Я не могла закончить ритуал, — Ника кисло смотрела в пол.

— Ну, в итоге-то ты собралась.

Тогда я впервые заподозрила, что Т. мог сам позвонить знакомой метле и пригласить ее для подстраховки. Что он специально вытащил демона помощнее, чтобы изгонять его было поинтереснее. Я смотрела, как он ухмыляется; смотрела, как молчит до сих пор бледная Ника, на ее красный от холода нос.

Я не раз спрашивала у Т. про эту историю, но он все усмехался. И однажды я сказала ему, что если он продолжил уходить от ответа, то и я от него уйду. Он тогда долго и театрально молчал, а потом ответил, как всегда ослепительно улыбаясь: «Попробуй».

И я не стала пытаться.

Он ушел сам.

***

Через три дня после того, как я взяла у Тополева след, ко мне завалился Сорок первый.

Разумеется, у соседа есть нормальное имя. И я его даже когда-то знала. Но всегда упорно — конечно, внутри себя — называла по номеру квартиры. Потому что я для него была «Варечкой». И по-другому он меня не именовал, как бы я его не просила. Такие вещи, разумеется, должны караться. Именно поэтому я принципиально не называла его по имени.

Я открываю дверь, тяжело дыша, как после пробежки. Сорок первый постарше меня лет на десять, но выглядит неплохо, хотя явно ведет не особенно здоровый образ жизни. Типичный товарищ из айти в гавайке и замацанных очках.

— Прости, — слегка запинаясь, говорит он, — мои квартиранты люстру разбили. У тебя нет лампочек?

Сорок первый сдает две комнаты, а сам живет в третьей. Его квартиранты постоянно чудят.

Я копаюсь в стенном шкафу в поисках лампочек, Сорок первый вежливо выжидает.

— Ты чего-то давно на работу не ходила. Не болеешь?

— Ты за мной следишь, что ли?

Сорок первый дуется.

— Просто примерно помню твой распорядок.

Я вздыхаю. Я не могу объяснить ему, что теперь вместо продажи грибов и сушеных ягод занимаюсь тем, что катаюсь по метро. Что фактически живу на радиальных и на кольцевых, езжу по кругу изо дня в день, будто пластмассовая лошадка, крепко-накрепко привинченная к старой карусели. И мне нельзя дать суете поглотить себя, я должна чувствовать.

Как это иронично: я должна чувствовать. Делать то, что давно не хочу.

— Варечка? У тебя лицо такое…

— Держи, — я достаю с полки лампочку и сую Сорок первому.

— Может, по пиву? Мои там бедлам устроили.

Он продолжает что-то мямлить. Вижу, что соседу нужна компания. Да и мне не хочется сегодня одиноко тупить в телефон.

— Давай.

Мы устраиваемся на кухне, Сорок первый приносит пиво. С ним комфортно: можно попросить уйти в любой момент, он не стремится заполнять паузы дебильными расспросами, не набивается мне в друзья или, прости господи, любовники. Друзей у меня давно нет: где-то на солнечном Востоке есть Ника, но связь с ней пропала годы назад. Я могу отыскать ее в социальных сетях, но толку? Нас связывает только прошлое, от которого я хотела избавиться. Раньше мне казалось, что люди бегут в аскезу от пресыщения, устают от информационного шума. Но со мной получилось совсем не так: я просто потеряла ощущение наполненности смыслом всего, что я делала. Жить ту жизнь стало невыносимо.

— Так значит, все же болеешь, — Сорок первый вздыхает.

— Дали отгул на работе, — я беру из миски крекер.

Телефон в кармане вибрирует. Каплан как демон, она чувствует, что ее вспоминают.

«Варвара, есть результат?»

Я морщусь и набираю: «Пока нет.» Она отвечает мгновенно: «Старайся».

Сука.

Мне вдруг хочется все рассказать Сорок первому. Он как попутчик в поезде: только поезд никуда не едет, ведь мы спим рядом, рядом едим, рядом пялимся в окна, и мы друг другу никто. Каплан сейчас та, кто держит мою жизнь в кулаке. Все остальные на ее фоне — безопасные, еле различимые фигуры.

— У тебя какая-то странная работа, — тихо говорит Сорок первый.

— Не без этого, — я вздыхаю. Нет, ничего я не могу ему рассказать. — Спасибо, что угощаешь. Знаешь… У тебя бывает ощущение, как будто ты бычок, который идет по доске?

— «Вот-вот доска качается, сейчас я упаду»? — спрашивает сосед. Смотрит на меня, как на дуру, — ну вообще иногда бывает.

— Вот мне кажется, что я вижу краешек доски. Причем не то чтобы свалиться страшно, скорее удивительно, что доска в принципе конечна, понимаешь?

Сорок первый кивает, но по глазам вижу, что не могу донести до него то, что чувствую. Ну и ладно. Кому нужны мои тупые метафоры.

Мы говорим еще какое-то время; по традиции обсуждаем погоду, политику, немного подростковых приключений — и Сорок первый переключается на себя, на жизненные перипетии его коллег — страдальцев, защищающих информационную безопасность. Я так мало знаю об этом, что мне почти интересно, мне нравится слышать, что у кого-то все просто, легко, обычно.

Что кто-то живет без угроз. Без восхитительной цели найти человека, который умеет вытаскивать в наш мир ангелов.

К вечеру Сорок первый уходит; я туплю у монитора и ложусь спать. Мне снится бесконечное, как лента Мебиуса, метро без единого выхода на поверхность.

***

Мы сидели на берегу реки, жмурились от ярких бликов. Наши животы были полны пиццы, которую мы умяли в парке возле Фрунзенской.

— На что это похоже? Это чувство?

Я вздохнула. Наш язык слишком беден. В те времена, когда для ощущений подобного рода придумывали слова, мудрецы просто сложили руки. Они долго корпели, соединяя буквы вместе, чтобы придумать названия для подушек, чесотки, сладостей, разных мелких мушек. Они придумали даже слова для запахов, например, запаха улицы после дождя.

Моя мама говорила «пыль прибило», когда летом проходил мелкий теплый дождь. Асфальт начинал блестеть. По прибитой пыли было так приятно гулять, наступать на влажный

тротуар новыми кроссовками. Чувствовать. Нет, еще не охотиться: я тогда была просто девочкой Варей.

Для тех ощущений, что проснутся в Варе лет через семь, не будет слов.

— Часто я вижу картинки, — я прикусила губу и посмотрела на Нику. В ее больших серых глазах отражалось мое ярко освещенное солнцем лицо, — это воспоминания багров. Что-то важное для них. Иногда то, что они видят в тот момент, когда я их чую.

Ника кивнула лохматой головой.

— Я будто могу немного залезть им в мозги, стать ими.

— Эволюционный механизм для синхронизации работы багра и охотника, — умно сказала Ника.

— Это те твои сильно запрещенные книжки? — спросила я.

— Борды.

Мы тогда много искали в интернете инфу про одаренных. Кучковались на форумах, где на десять поддельных метел приходилась одна настоящая. Метлы чуют гостей и их следы — похуже, чем охотники багров, скорее только ощущают дискомфорт.

— А я… Я не вижу картинки, я просто…

Ника поежилась:

— Родители рассказывали, что у соседей по даче — ну как соседей, здоровая вилла чуть ли ни с вышкой охраны — как-то была русалка в бассейне. И я… Всегда считала, что это байки. А потом у нас воланчик от тенниса к ним на участок залетел. Я пошла за ним.

— И ты проходила мимо бассейна и почувствовала след.

— Сняла его. Будто мне на кожу прилепили картинку. «Здесь была русалка». Я их вживую никогда не видела. Только в том хреновом ролике…

— Который скорее всего на компе нарисованный.

— Да. А в том бассейне жила настоящая русалка. Потом быстро сгинула, она ж не демон, чтоб годами на Земле тусоваться.

— Разложилась на плесень.

Я затянулась и кинула бычок в воду. Проходящая по набережной старушка посмотрела на меня, как на последнюю тварь, и мне даже стало стыдно, но я все равно скорчила старушке рожу.

Т. очень скоро уедет. Тогда мне казалось, что все это будет вечно, что крепче нашего союза нет; я приду к Нике в пять утра, зареванная, и буду рассказывать про то, что только мы могли изменить мир, что мы самые крутые и сильные, что все вокруг подделки и лицемеры, а у нас есть настоящая магия и мы помогаем людям, у нас миссия…

Ника посадила меня на кухне, угомонила рассерженных родителей, дала мне в руки чашку с чаем — как сейчас помню теплые, красные, круглые фарфоровые бока.

И Ника поступила со мной безжалостно.

— У нас было всего пять дел с Т., — сказала Ника. — И одно из них чуть не кончилось тем, что мы бросили клиентку вместе с демоном в сраном подмосковном лесу, Варя. Мы заработали на две попойки в баре и на идиотскую поездку в Питер, где Т. свалил к своим друзьям-панкам, а мы с тобой чуть не подрались с гопниками. Двое клиентов нас кинули на деньги. Одна клиентка упала в обморок от страха и платить ей пришлось уже нам самим. Какая миссия? Какая магия?

Я смотрела на Нику и плакала.

Это был первый раз, когда я осознанно, трезво, полно ощутила, что мы фрики, уроды несчастные, и наша прошлая борьба за правду, и нынешний кривой «бизнес» с гостями — цирк-шапито, который не принесет никому счастья. Что еще не поздно начать жить нормально, выбросить дары и гостей из головы, и что Т., поступивший в университет в Австрии, очень даже прав.

У нас не было эпической ссоры и драмы. Никто никого не предавал, все просто выбрали разные пути. Отползли друг от друга потихонечку, приняв внутри себя, что проку от наших талантов нет.

Если честно, я не пыталась узнать, как устроился Т. Про Нику я знала, что она освоила программирование и стала работать удаленно в неплохой фирме, а потом уехала в Таиланд.

Раньше мы переписывались. Я не отвечала ей подробно, как дела: не было ни малейшего желания, чтобы Ника меня жалела. Но я хотела, чтобы она помнила о тех картинках в голове, про которые я ей рассказывала. Про мои попытки описать неописуемое.

Не знаю, почему, но я хотела.

***

Все происходит внезапно.

Меня накрывает на полпути до станции. Я автоматически засекаю время до момента, когда вагон остановится.

Я выхожу из вагона на платформу, оформляю след внутри себя, пока иду от столба к столбу. Я как будто считываю мгновенно, что именно не так. Все не так; слишком давно осталось позади это чувство охоты и чувство победы. Я в нем. Я даже не понимаю, есть ли люди вокруг — пожилые женщины, подростки, туристы, я просто вижу тот же самый красный лист, как клеймо. Он выше меня, за беленым потолком, за люстрами, за тысячей проводов.

Я стою и дышу, я почти тебя знаю.

Каждый охотник желает знать, где сидит багор.

Багор, получается, в этой схеме — «белый». В этой радуге нет фиолетового цвета, вместо нее — белизна.

Я вижу стекло, вижу кафельный пол; почему-то поломанный карандаш, который швыряют носком кроссовки, стеклянную колбу, бургеры, много смазанного красного цвета, но вроде бы, это не кровь. Он так близко; он устал и злится, как знакомо и хорошо; я чувствую, как внутри поднимается волна истеричного удовлетворения, глупый восторг от осознания того, что я наконец-то хоть где-то выиграла.

Полуслепая, я достаю из кармана пальто телефон и пишу Каплан адрес станции.

«Уверена? Тогда завтра начинаешь искать на поверхности». Так я себе это и представляла. Мне нужно всего лишь понять, как проложены под землей пути, и посчитать, где был пик. Скоростью называют расстояние, пройденное телом за единицу времени, математика за третий или четвертый класс…

Я снова сажусь в вагон и еду домой. Глупо улыбаюсь, рассматривая чужую грязную обувь, вижу свое лицо на фоне черного тоннеля.

Чему радуешься, дура — хочу спросить я сама себя; ведь это не конец, далеко не конец.

Я упаду.

5

Каплан наблюдает, как бумага выползает из принтера. Я вижу напечатанную карту района с отмеченными красной линией домами. Карта крутится в холеных пальцах; Каплан наклоняет голову и спрашивает, как всегда хищно улыбаясь:

— Зачем вообще нужны охотники?

Я смотрю, как медленно падает снег за окном бизнес-центра. Странная зима в этом году; я не помню, когда она началась. Иногда мне кажется, что даже в июле был снег и июль был зимой.

— Охотники чуют багров.

Каплан скручивает карту в рулончик, почему-то я думаю о том, что сейчас она окунет край бумаги в свой очень черный кофе.

— Нет. В троице. Когда идет работа. Багор достает гостя, метла, я так понимаю, прогоняет. Зачем нужна ты?

Что будет, если я промолчу? Она опять же скажет, что убьет меня и мою мать? Как легко ей, должно быть, грозить смертью: она не знает, на что это похоже, когда ты немного умер. Мне кажется, что я-то знаю. Но сейчас я чувствую бессилие. Хочется захныкать, как в пятом классе.

— Я не могу вам сказать, — мой рот открывается против моей воли.

Каплан поднимает брови.

— Знаешь, Варвара, мои люди, — она смешно произносит эту фразу, от нее веет сериалами с НТВ, — шерстили всякие форумы в интернете. Копались там — будь здоров! Любая информация есть, сколько русалка весит, сколько съедает демон. Фоток и видео нет — оно и понятно, техника сбоит. Но почему-то нигде не пишут о том, как в мире появляется гость. Что именно делает багор, что делает охотница. Почему так, позволь спросить?

— Это слишком… Личное. Мы не говорим об этом.

— Как забавно.

Те, кто говорят — просто не знают. По тому, как человек что-то описывает, всегда понятно, что он из себя представляет. Те, кто болтает о том, как приходят гости, просто врут.

Каплан продолжает улыбаться.

— Я не расскажу вам, — я хлопаю ладонями по коленям, — можете убить меня прямо здесь. Я не могу этого описать. Зачем вам? Я нашла вам вашего багра.

Я понимаю, что уже не боюсь: есть вещи за пределами моих возможностей. Я не могу раствориться в воздухе, если к моему черепу приставлен пистолет. Я не могу убежать от того, что я охотница, и даже «Морошка», мое надежное убежище среди сушеных грибов и ягод, привело меня к этой сцене. К тому, что со мной делает Каплан. Может быть, вот он — детерминизм? Где-то лежит золотая скрижаль, где записано, как моя начальница с ее идеально бордовыми губами грозит мне. Полагаю, что тот, кто заявлял, что нет судьбы, просто не сталкивался с настоящим страхом и бессилием.

— Я буду проверять информацию, что ты там откопала, — Каплан на мгновение бросает взгляд на экран своего Макбука, скрещивает руки на груди. На ней дорогущий, идеально выглаженный, без единой складки, свитер, — и тогда свяжусь с тобой. Тебе самой интересно, что ты нашла?

Я нашла обычный двор: две хрущевки, магазин «Пятерочка». Но ошибиться было нельзя.

Я бродила в этой «Пятерочке», как зачарованная. Шагала вдоль полок с пивом и быстрорастворимыми кашами, и красные листья сыпались перед моими глазами, будто я попала в кленовый лес в шторм. Пахло бургерами, бергамотом, мускусом, ванилью, ванилью, и снова ванилью. Я чувствовала тревогу и иронию, еще странное ощущение в горле, как будто хочу

сухо смеяться. Интересно, до этого я охотилась так же? Могла ли я ощущать все эти вещи настолько объемно, осознанно, распознавать образы?..

— Варвара.

Я дергаюсь, как будто проснулась.

— Ты куда улетела? Я спросила, интересно тебе, что ты нашла?

Подпольная лаборатория. Ну конечно.

— Ну конечно, — безучастно говорю я.

Каплан выдала мне две идеально новые бумажки (за издержки) и выпроводила, обещав позвонить.

Я выхожу в метель, и снег пахнет ванилью.

***

Через три дня бессмысленных залипаний в сериалы, я решаюсь отправиться в магазин за едой. В самый промозглый месяц меньшее, чего мне хочется, это шагать по раскисшему снегу и толкаться в очереди, но деваться некуда. Мне нужно кормить свою несчастную мясную тушку. Я привычно хватаю в магазине зеленую корзинку и набираю с полок традиционный набор: яйца, молоко, макароны, помидоры в изящном пластиковом гробике.

Пробиваю и иду домой; у входа в подъезд вижу стройную фигуру в дорогой шубе.

На секунду мне кажется, что это Каплан, но нет, от женщины слишком фонит гостями. Метла?.. Нет; просто какие-то смутные следы, возможно, она даже не одаренная.

— Варвара, — говорит женщина, пока я пытаюсь прошмыгнуть мимо нее в подъезд.

Я закрываю глаза и медленно вздыхаю. Видимо, вот такой теперь будет моя жизнь.

— Что вы хотите?

Женщина примирительно поднимает руки. У нее сухие тонкие пальцы, будто промороженные насквозь.

— Я знакомая вашей начальницы, Веры Каплан. — Женщина медленно моргает, рассматривая мое лицо. — Мы можем поговорить внутри? Речь о работе, которую вы делали для Веры.

За моим подъездом что — следили?.. Обалдеть, конечно. Я представляю, как эта женщина в изящной шубе прячется за мусорным контейнером, пока я выбрасываю перевязанный пакет с пустыми банками и упаковками «Доширака», и хмыкаю под нос.

Я прикладываю ключ к магнитному замку домофона и пропускаю незнакомку в подъезд. Ставлю пакет на лестницу и с вызовом — как мне хочется думать — смотрю на незнакомую женщину в шубе. Предполагаю, она понимает, что мне страшно, что у меня совсем нет желания впускать ее в квартиру. Что я немного догадываюсь, о чем речь.

— Меня зовут Светлана.

Она снимает меховой капюшон: у нее очень тщательно уложенные, какие-то старомодные, будто из советского фильма, светлые волосы. Ни грамма косметики на лице. Дама червей в пару пиковой даме Каплан.

— Я работаю в организации, которую вы нашли по просьбе Веры Германовны.

Я вздыхаю и расстегиваю куртку: жарковато.

— Ничего не понимаю, — честно признаюсь я.

— Вера вам врала, — заявляет Светлана, ее голос звучит вкрадчиво, а на лице — виноватое выражение, — вы выполняли некий тест, когда искали багра. Вера, конечно, считает, что всю информацию нашла самостоятельно и вела свою игру, но это, разумеется, не так.

Я молчу, разглядываю бежевую плитку под ногами.

— Из двадцати охотников и охотниц, что мы отсмотрели за последние шесть лет, вы оказались второй, кто выполнил задачу. Ваши способности впечатляют.

Я вновь вздыхаю.

— Так… Вы хотите меня завербовать? Для этой вашей… Лаборатории?

Светлана усмехается; на мгновение я вижу ее чуть желтоватые, как у курильщицы со стажем, зубы:

— «Вербовать» — немного неправильное слово. Мы хотим дать вам шанс использовать ваш дар во благо. Быть той, кем вы являетесь.

— Это звучит очень штампованно, — бормочу я. В сети всегда были слухи о людях, которые пытались исследовать одаренных. О программах ЦРУ, якобы подводивших под дары научные базы; все упиралось в аляпистые видео на ютюбе и фейковые «рапорты» и «отчеты», сплошная ложь и фантазии.

— Вы сейчас думаете, что ваша начальница просто сошла с ума, а я такая же ее поехавшая на дарах подружка, — Светлана вновь усмехается. — Вы же сами прекрасно понимаете, что этот день в вашей жизни обязательно должен был наступить. Не зря же вы столько лет искали правду на форумах.

Я смотрю ей в глаза: они ничего не выражают. Холодные, серые, отливающие латунью, как отделка на станциях метро.

— Мы поступим так. Вере Германовне не стоит знать о нашей встрече: она сыграла роль связующего звена и теперь будет ждать, что вы приведете ей багра для ее личных целей. Вы же достаточно умны, чтобы понимать, что ваша начальница — небедная дамочка с хорошими связями в криминальной среде, и откровенничать с ней не стоит?

Я киваю. Все это так… Странно.

— Я сама поговорю с Каплан и дам ей информацию, которую она проглотит.

Очень странно.

— Теперь вы. Вы должны завтра, к десяти утра, подъехать к той самой Пятерочке. Там с вами свяжутся.

Светлана коротко кивает, будто прощается.

— Что будет, если я не приду?

Она склоняет голову на бок.

— Вы тоже будете угрожать мне жизнью моей матери?

Светлана надевает капюшон.

— Но вы же придете. Вы ждали этого всю жизнь, — она изящным жестом нажимает на кнопку, открывает дверь и выходит из подъезда вон.

Я подбираю пакет и думаю: сесть ли на ступеньки здесь или таки дотащиться до квартиры. Мне то ли жарко, то ли холодно. Я чувствую одновременно слишком много всего. Мне и страшновато, и дико хочется нервно рассмеяться от ее последней пафосной фразы.

В лифте мелькает свет; я бреду мимо двери квартиры Сорок первого, открываю дверь своей, разуваюсь, сажусь на стул в кухне, смотрю в окно, размазываюсь по моменту и чувствую себя так, будто кто-то невидимый держит меня за горло.

Я даже не злюсь, но Светлана права, я ждала.

Потом приходит страх перед определенностью, который порой куда хуже, чем страх перед неопределенностью. Все это сменяется, как фильтры на софитах, будто внутри меня сцена, и тени скользят по подмосткам, и движутся, движутся, пока я сижу, окаменев, на своей старенькой кухне.

***

Сон не шел. Я встаю, вскользь замечаю, что на часах около шести. Болтая чайным пакетиком в кружке, раздумываю о том, чтобы написать Нике.

Ника-то всегда была уверена, что нечто подобное нас ждет. Если дары существуют, значит, это кому-нибудь нужно, и под кем-нибудь Ника понимала таинственных исследователей призывателей и экзорцистов. Интересно, она обрадовалась бы, напиши я ей про эту загадочную Светлану и не менее загадочную «Пятерочку»? Или подумала бы, что я совсем поехала крышей и телеграфирую ей аккурат из сумеречного бреда?..

Выпив половину чашки чая и до рези в глазах рассмотрев сумрачный город за окном, я решаю твердо, что Нике я писать не буду.

Зато я пишу матери, получаю пригоршню эмодзи и понимаю, что да, деваться некуда, я просто не могу удержаться от того, чтобы согласиться. Я не улечу в космос, не пропаду в параллельный мир, где не будет мамы, привычных переписок с ней, не будет вечерних моментов, когда ты в постели просто можешь выдохнуть и отпустить тревогу. В любой неизвестности есть якорь, за который реально уцепиться. Вероятно, моим будет она.

Одеваясь, я бросаю взгляд в окно. Не помню, когда здесь был такой тяжелый, темный февраль. Солнце показывалось, наверное, лишь в прошлом году.

В метро торжественно и тихо. Поднимаюсь на нужной станции, с досадой соображая, что забыла зарядку от телефона, и ключи как-то особенно противно позвякивают в карманах. Представляла ли я себе раньше этот поворотный момент моей жизни? Догадывалась ли, что он будет таким?

Жаль, что у меня нет привычки вести дневник.

«Пятерочка» ждет меня за углом. Возле входа курит уборщик в ярко-оранжевой куртке; кошусь на него с подозрением, но он рассматривает ряд мусорных контейнеров напротив и не глядит на меня. Вхожу внутрь магазина, вдыхаю — ванильный запах либо слишком тонкий, либо я себе его уже воображаю. Иду вдоль рядов: магазин пуст, кассирши скучают.

Телефон вибрирует, я достаю его из кармана и читаю смс с одним-единственным словом: «Хлеб».

Все это становится забавнее и забавнее. Я разворачиваюсь на пятках, глупо приподнимаюсь на цыпочках и ищу нужный раздел, шагаю туда, оглядываясь по сторонам; уверена, что выгляжу, как полная параноичка.

Возле раздела с булками никого нет. Я хожу взад и вперед мимо лавашей, багетов и батонов, пока не замечаю сложенный листочек розовой бумаги прямо поверх «Лепешек Тортилья мексиканских пшеничных».

Я аккуратно беру листочек двумя пальцами — от него ощутимо фонит каким-то даром, и даже не успеваю прочитать, что на нем написано.

Кто-то плотно обхватывает меня сзади, а к лицу прижимается сухая, твердая, маленькая ладонь. Высокий, почти детский девичий голос, чуть картаво шепчет на ухо:

— Прости пожалуйста, но так будет проще всего.

И я отрубаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.